

Эйлин была вынуждена прижаться своими милыми грудями к деревянному полу. Юки рядом со мной ободряюще похлопала нашего адвоката по аппетитной попке, а потом наклонилась, и поцеловала ее в плечо, положив ладошку на сисечку Эйлин. Таким образом та смогла принять более удобную позу, оперевшись на локти. Юки быстро спрятала в свою ладонь второй холмик адвокатши, что позволило нам, никого не стесняясь, продолжить.

Задрать набедренную повязку девушки было секундным делом. Юки наклонилась и облизнула язычком промежность Эйлин. Я встал на колени и без раскачки принялася пристраиваться к задней дырочке девушки-адвоката. Та, похоже, была не в восторге от моих желаний и вся сжалась в попытке избежать анального проникновения.

Надо сказать, что зал заседаний уже покинули все остальные — и обвинитель, и судья, и зрители. Остались только мы трое — школьник, школьница и наш адвокат, который очень не хотел оставаться с нами в одном помещении. Но оказывать более активное сопротивление Эйлин мешал ее сегодняшний статус девочки-воскресенья.

— Только не в попку! — без особой надежды воскликнула адвокатша. Юки улыбнулась и своими ладошками раздвинула аппетитные булочки нашей защитницы. Эйлин попыталася снова вскрикнуть, но я зажал ладонью ее прекрасный ротик, другой рукой направляя свой пенис в ее анальную дырочку. Юки уже смочила своей слюной, поэтому мой член смог войти в анус девушки, хоть и с усилием. Эйлин заплакала от боли, а Юки наклонилась и успокаивающе поцеловала ее в шейку.

С одной стороны, Юки была благодарна нашей защитнице, ведь суд не заставит ее ездить на велосипеде, но с другой, наказание все же было достаточно суровым. Узенькая задняя дырочка Эйлин отчаянно сопротивлялась моим усилиям протиснуться дальше, поэтому я был вынужден взяться руками за ее бедра и приподнять их вверх, как бы насаживая девушку на свой член. Адвокат застонала еще громче, а я с наслаждением почувствовал ее горячую глубину.

Меня хватило ненадолго, буквально через минуту ахов и вздохов я с кряхтением кончил прямо внутрь адвокатши. Юки, увидев, что я закончил, поднялась с колен и быстро поцеловала меня в щеку. К губам она даже не тянулась — сегодняшнего заседания нам хватило. Эйлин поднялась с пола, поправила набедренную повязку, вымученно улыбнулась и вышла в коридор на поиски очередного партнера, который не откажется хорошенъко от любить беззащитную девочку-воскресенье.

Мы прошли коридор и сквозь прозрачные двери вестибюля вышли на улицу в ночную прохладу. Школьникам запрещалось передвигаться в одиночку вне школьной территории, но парам это разрешалось, при условии уважительной причины. Я взмахнул рукой, вызвав гравилет. Аппарат приземлился буквально через несколько секунд, мигнул фарами и открыл дверь.

Мы устроились на мягких сиденьях друг напротив друга. Юки смущенно сжала коленки и положила на них ладошки, назвав адрес нашей школы. Аппарат послушно поднялся и двинулся в нужную сторону. Я решил сполна вкусить все прелести ее юного тела в последние несколько часов перед казнью, поэтому вытянул руку вперед и стиснул ладонь на груди девушки. Юки мило покраснела, а я поднялся со своего места и впервые решил насладиться

минетом в исполнении своей подруги по несчастью.

Надо сказать, что Юки была не слишком умелой минетчицей. Она то и дело пускала в ход зубки, заставляя меня вскрикивать от боли и отдергивать член. На третий раз я не выдержал и отпрянул подальше, взяв пенис в свои руки и довершив начатое, украсив лицо партнерши белесыми потеками.

Юки облизнулась и посмотрела на меня. Я вздохнул:

— Нет, ну это никуда не годится. Ты его чуть не съела. У вас что, не было практических занятий?

— Прости, у меня не очень получается. Хочешь еще раз в попку? — девочка развернулась на сиденьи, откинула спинку и выпятила свою нежную филейную часть, обтянутую розовыми трусиками.

А слотнул, увидев столь аппетитную картину и уже было потянулся к завязкам Юкиных трусиков, но тут же одернул себя, ведь мы уже почти прибыли на место.

— Пожалуй, откажусь. Прости, Юки. Завтра нам предстоит тяжелый день.

... я тихонько вошел в комнату, чтобы не разбудить свою соседку Энни. У меня была полная уверенность, что она уже спит. Но не тут-то было. Девочка встретила меня своими огромными немигающими глазами, полными слез. Она сидела на моей кровати, когда я появился на пороге.

— Тим! — бросилась она ко мне на шею, прижавшись всем телом. Я почувствовал ее напряженные соски сквозь ткань футболки.

Такой реакции я не ожидал, поэтому немного опешил.

— Уже весь этаж знает, что с тобой произошло! Завтра тебя ждет наказание!

— Да... Но ты не переживай, они не будут трогать мою личность и память. Я останусь таким же, Энни!

— Они будут тебя мучить, я знаю! Это ужасно, Тим!

— Всего лишь небольшое членовредительство, подумаешь, — деланно хмыкнул я, пожав плечами.

— Членовр... Они отрежут тебе член? — у Энни округлились глаза от ужаса. Она была не слишком сообразительной ученицей.

Я улыбнулся и махнул рукой.

— Нет, только пальцы на руках. А потом восстановят, будут как новенькие.

— Это все? — напряженным голоском спросила моя очаровательная соседка.

Я вздохнул и прижал ее милую головку к своему плечу.

— Еще мне три дня будет запрещено заниматься сексом.

— Что?! — выдохнула девушка, отшатнувшись. — Не может быть! Да как они смеют!

— Еще как смеют, правила нарушать нельзя...

— Какой кошмар! И что же ты нарушил?

— Я поцеловал девушку в губы, — покраснев, ответил я.

Энни еще шире распахнула глаза, хотя, казалось, это уже невозможно. Я ожидал, что она возмутится, даст мне пощечину или вовсе выбежит из комнаты. Но я, несмотря на полгода, прожитые с ней в одной комнате, плохо знал характер Энни. Почти все это время наше общение ограничивалось лишь оральными ласками да изредка традиционным сексом после душа. Так что для меня было фантастическим откровением то, что она лишь потупила взгляд

в пол и тихо прошептала:

- А меня ты ни разу не целовал...
- Естественно! Если бы я это сделал, то тебя бы тоже наказали!
- Но ведь с той тебя это не остановило?
- Послушай, она — совсем другое дело! Ее я знал всего сутки! А с тобой мы живем уже кучу времени, ты — мой друг, я не могу с тобой так поступить!
- Ну один маленький поцелуй! По дружбе! — Энни уже было встала на цыпочки и закрыла глаза, как я испуганно отшатнулся.
- Ты что! Хочешь, чтобы меня казнили насовсем?
- Но ведь в комнатах нет камер! Никто не узнает!
- Замков на дверях здесь тоже нет. В любой момент может войти смотритель!
- И когда в последний раз сюда заваливался смотритель без стука? Я такого не помню! — девушка обиженно надула губки.
- Послушай, мы не можем так рисковать, — отсек я любую возможность для Энни.
- Ну хотя бы минет можно? Пожалуйста! — девочка умоляюще сложила ладошки на груди.
- Запрет на секс вступит в силу только завтра утром... Так что давай, только быстро, — смирился я.

Девочка сжала коленки и удобно взялась за мои ягодицы своими маленькими ручками. Она напоследок поправила белокурые кудряшки, подняла голову, посмотрев прямо мне в глаза, и мило улыбнулась. Ее нежные губки коснулись возбужденной плоти, я только успел охнуть от наслаждения, с ужасом вспомнив неуклюжие ласки Юки. Минет в исполнении моей соседки отличался от только что испытанного мной в гравилете как небо и земля. Энн и делала все, с одной стороны, максимально аккуратно, а с другой, она еще и играла со мной, то и дело прекращая ласки и качая моим пенисом из стороны в сторону так, чтобы он едва касался ее щечек и носика.

Я уже изнывал от нетерпения, а Энни все еще не спешила насаживаться своим ротиком полностью. За первые несколько минут сего действия член едва ли пару раз скользнул в ее влажные уста до половины, она тут же выталкивала его своим розовым язычком, ехидно улыбалась

и вот уже вновь я чувствовал лишь ее горячее дыхание возле пениса, но отнюдь не прикосновения.

Не вытерпев этого издевательства, я положил одну руку на затылок девочки, а второй обнял ее возбужденные груди, скрытые тканью футболки. Сделав резкий толчок вперед, я услышал настолько восхитительный и забавный хлюпающий звук, что все мое тело пронзило как электрическим током. В гармонии к звуку добавились тактильные ощущения узкого горлышка и картинка детского личика, давящегося узловатым пенисом. Все эти три составляющие привели меня в дикий восторг. Я принялся как заведенный таранить отчаянно мычащую Энни, мой взор заволокло туманом, а кулачки девушки, протестующе бившие меня по бедрам, лишь раззадоривали.

И вдруг в самый разгар, уже почти перед кульминацией, дверь в нашу комнату распахнулась. На пороге возник угрюмый надзиратель.

— Проверка! — рявкнул он и тяжело ступил в комнату кованым сапогом.

Я прекратил таранить девичий ротик и застыл в замешательстве. А вот Энни не растерялась. Осознав, что мы не делаем ничего запрещенного, она с удвоенной энергией принялась

насаживать себя на мой член, издавая теперь уже довольноное мычание и стоны. Взявшись за ее маленькие ушки, я придавил девочку так, что мои морщинистые яйца ударили ее по нежному подбородку.

Не увидев ничего предосудительного, смотритель вышел из комнаты, сверкнув напоследок кобурой от электрошокера. Когда дверь за ним закрылась, я прошептал:

— Ну вот, а ты говоришь «никогда такого не было»...

Энни ничего не ответила, так как ее милый ротик был занят очень важным делом. В следующий момент она качнулась вперед и теперь уже сама заглотнула так глубоко, что из ее милых глазок брызнули слезы. Оценив такую отвагу девочки, мой член бурно разрядился в ее уста, да так сильно, что Энни не смогла проглотить все, белая струйка побежала по уголку ее рта, пачкая футболку. С причмокиванием освободившись из орального плена, я наклонился и сплюнул свой липкий нектар. Едва ли это прикосновение моих губ можно было рассматривать как поцелуй, впрочем, неважно, так как смотритель уже покинул наше жилище.

Я перевел взгляд вниз, на раскрасневшуюся и растрепанную Энни. Напоследок щекотнув свою соседку по шейке, я рухнул на кровать без сил, а Энни поднялась и побрела к своей постели, пошатываясь, как после тяжелой физической нагрузки. Насладившись ее голой попкой, мелькнувшей из-под пол слишком короткой футболки, я отвернулся, поставил будильник и провалился в тяжелый сон без сновидений.

Утром в без десяти восемь утра я уже был в школьной пыточной. Милая девушка-палач в скромном платьице уже приготовила инструменты — ржавую пилу, бинт и аннигилятор. Я оценил ее формы, когда она наклонилась, чтобы достать мое личное дело из нижнего ящика стола. Восхитительную попку ничего не скрывало, если не считать подола платья. Я невольно сделал шаг вперед и положил растопыренную ладонь на филейную часть девочки-палача. Она не стала одергивать мою руку, а повернулась и с очаровательной улыбкой сказала:

— Меня зовут Тиффани, я ваш палач, Тим. Не забывайте об этом.

— Да, простите, — сказал я, убирай руку.

Тиффани наклонилась и дружелюбно чмокнула меня в кончик пениса, давая понять, что волноваться не стоит.

— А зачем пила? В приговоре ведь было «отрубить», а не «отрезать», — спросил я, коснувшись пальцем ржавых зубьев инструмента.

— О, не стоит беспокоиться, вы можете подать апелляцию на неправильное исполнение приговора в течение семи календарных дней, — казенным голоском заявила Тиффани.

— Но ведь... — попробовал вставить я.

— Не стоит утруждать себя ненужной дискуссией, — нежный голос Тиффани резко контрастировал с тем, что она начала делать. В ее руках огромная ржавая пила смотрелась до жути нелепо.

— Вы меня даже не привяжете? — недоуменно спросил я.

— Сопротивление лишь усилит ваши страдания, — вздохнула девушка.

— То есть мне нужно стоять и смотреть, как вы будете резать мои пальцы тупой пилой?!

— Увы, — Тиффани развела руками, отчего ее высокая симпатичная грудь дернулась из стороны в сторону.

Я сделал шаг назад. Тиффани снова вздохнула и пошла ко мне. Я в ужасе кинулся к двери, но там, в отличие от дверей в общежитии, был замок. Подергав ручку, я оглянулся. Нежные

пальчики Тиффани легли на мое плечо и толкнули в кресло, которое материализовалось рядом. Я прекратил моргать от ужаса и с трепетом увидел, как зубья пилы касаются моих растопыренных пальцев. Я прекрасно все чувствовал, но одернуть руку не мог, удалось издать лишь дикий крик обезумевшего существа в предчувствие того, что сейчас произойдет.

Адская боль пронзила меня, когда Тиффани надавила и зубья вдавились в плоть. И уж совсем фантастическое страдание я испытал, когда Тиффани принялась пилить пальцы, елозя ржавым заостренным металлом по ранам, углубляя и расширяя их. Я охрип настолько, что уже не мог орать, а лишь тихо хрюпал от боли и ужаса, рыдая и захлебываясь слезами. На моменте, когда она дошла до кости, я попытался потерять сознание, но не тут то было — боль продолжала терзать меня, разрывая на маленькие кусочки. Небольшое облегчение я испытал, когда девушка закончила с левой рукой, оставив на ней лишь пять кровоточащих обрубкой и еще не приступила к правой, но оно почти сразу сменилось ошеломляющей волной новой боли, когда ржавые зубья коснулись пальцев на второй конечности.

Через пять минут все было кончено. Я наконец смог шевелиться и вдруг испытал благодарность к своему палачу, ведь не даром на столе с инструментами лежал бинт. Девушка изо всех сил старалась не причинить мне новых страданий, когда заботливо перебинтовывала мои обрубки. Я с зареванным лицом следил за ее манипуляциями и мне хотелось обнять эту девушку, которая буквально только что отрубила все мои пальцы на руках ржавой пилой. А потом пять минут истекли и Тиффани помахала мне ручкой, наставив аннигилятор прямо мне в лицо. Полыхнула яркая вспышка и я провалился в неведение.

... чтобы очнуться в этой же комнате через час. Я тут же потрогал свои пальцы. Они были на месте, розовые, новые, гибкие. «Может, это было сон?» — мелькнуло в голове. Но Тиффани не дала усомниться, возникнув рядом и показавшая взглядом на обрубки, которые аккуратно были сложены на столе.

— Не желаете забрать на память? — спросила она милым голоском.

— Что?! — выдохнул я.

— Да шучу я, шучу. А вот теперь серьезно. С этой минуты вам три дня запрещается заниматься любыми видами секса, включая мастурбацию и оральные ласки. Любое семяизвержение, произведенное вами в этот период, карается отрубанием ног и рук с последующей казнью спустя неделю и последующим воскрешением с полным сохранением памяти. Вы меня поняли?

— Понял, — пробурчал я.

— Теперь поднимитесь, чтобы лучше видеть наказание своей подруги Юки.

— Избивать ее битой и кастетом тоже будете вы?

— Нет, для этого у нас есть специальные люди, — улыбнулась Тиффани.